

Вечная ночь

Захворал Василёк. Занедужил так, что ничего не видит и не слышит вокруг. Не узнаёт никого. Бредит. Жестокий жар мучит его уже несколько дней. Лицо, обрамлённое копной светлых льняных волос, покрылось ярко-красными пятнами, а светло-синие лучистые глаза потускнели, слезятся. Бесперывный сухой кашель разрывает грудь, мешает спать.

Евдокия Васильевна ни на минуту не отходит от Василька и лишь время от времени просит старшую из дочерей посидеть у постели брата, а сама уходит к себе в комнату, опускается на колени перед ликом Божией Матери и молится, молится.

Наутро пятого дня Васильку стало совсем плохо.

Отец привёз из города лекаря. Тот осмотрел мальчика, выслушал, простучал грудь и спину, глянул горло и сокрушённо покачал головой:

– Корь у ребёнка. Форма тяжёлая. И к тому же с осложнением – воспаление лёгких.

Затем выписал рецепт и уехал.

День и ночь по очереди дежурили возле постели больного ребёнка мать, бабушка и старшая сестра Нила, боясь отойти хоть на миг. Банки, компрессы на голову, микстуры...

А Василёк всё время метался в бреду, кричал, то и дело звал кого-то, а потом замолкал ненадолго, забываясь чутким, тревожным сном.

Однажды вконец измученная Евдокия Васильевна задремала, сидя у кровати Василька, а очнувшись спустя некоторое время, вдруг с удивлением и затаённой радостью услышала ровное, спокойное, без стонов и хрипов, дыхание сына. Она осторожно положила руку мальчику на лоб и сразу же почувствовала, что тот уже не пышет жаром, как раскалённая печка, а, наоборот, весь покрыт испариной.

Наутро Василёк впервые за много дней пришёл в себя и слабым голосом попросил у мамы воды. Евдокия Васильевна кинулась к столу, схватила кружку, торопливо наполнила её водой и подала сыну. Но вдруг с ужасом увидела, что Василёк протягивает исхудавшую ручку совсем не туда, где находится кружка с водой. При этом он всё время перебирает в воздухе своими тонкими детскими пальчиками, словно хочет ими что-то нащупать, как это делают люди, внезапно оказавшиеся в полной темноте. Его ярко-синие огромные глаза, прежде такие озорные, беспокойные, теперь отчего-то совсем неподвижны и глядят в пространство холодно и безучастно.

Сердце матери сжалось от страшного предчувствия. Неужели её сын ослеп? Нет, не может быть!

Она поднесла кружку прямо к губам мальчика и стала поить его, приговаривая:

– Пей, мой маленький, пей, мой хороший. Пей вволю.

Но Василёк, сделав всего несколько глотков, вдруг закричал:

– Мама, я ничего не вижу! Почему так темно? Где свет? Что со мной?

Евдокия Васильевна, как могла, успокаивала сына. А у самой земля уходила из-под ног. Она поняла, что случилось непоправимое...

Яков Васильевич вновь съездил за лекарем. Тот внимательно осмотрел мальчика, долго молчал. Наконец, хмуро сказал:

– Увы, но осложнения после кори часто заканчиваются потерей зрения. И боюсь, что в вашем случае это безнадёжно...

Медленно, очень медленно возвращались силы к измученному страшным недугом ребёнку, болезнь долго не хотела отступать. Но, наконец, поддалась, отступила. Вот только зрение так и не вернулось...

С тех пор вечная ночь настала для Василька, но мальчик это понял не сразу. Ему ещё очень долго казалось, что он видит мамино лицо, сияющий небосвод и голубиную стаю над обуховской церковью. Но это уже было только воспоминание об увиденном...

Окончание в следующем номере